

*К. А. Пахалюк,
ведущий специалист научного сектора
Российского военно-исторического общества,
руководитель интернет-проекта
«Герои Первой мировой» (hero1914.com)*

**ОТРАЖЕНИЕ ГЕРОИЗМА РУССКИХ СОЛДАТ И ОФИЦЕРОВ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

Аннотация: В статье рассматривается, как и каким образом тема героизма русских войск затрагивалась в советской мемуарной литературе. Автор указывает на особенности репрезентации героев и их подвигов в рамках общей структуры дискуссии о Первой мировой, развернувшейся в Советском Союзе.

Ключевые слова: герои, дискурс, образ, пропаганда.

К. А. Pakhalyuk

**HEROISM OF RUSSIAN SOLDIERS AND OFFICERS
IN THE WORLD WAR FIRST IN THE SOVIET MEMOIRS**

Summary. The article analysis the structure of heroism during World War I in the memoirs of participants published in the USSR. The author highlights main discursive practices that allowed representing heroes in the context of soviet WWI public discourse.

Keywords: heroes, discourse, image, propaganda.

Введение

Существует мнение, что в советское время героизм русских войск в годы Первой мировой войны находился в забвении. Действительно, это верно для общественного дискурса (где история используется для интерпретации социальных процессов и объяснения наиболее значимых проблем в обществе): войне отводилась роль всего лишь катализатора социально-экономических противоречий Российской империи, который ускорил ход объективных тенденций и привел к «торжеству Великого Октября». Вместе с тем для героизма в публичном пространстве место все же осталось: им были страницы мемуаров, опубликованных в это время.

Воспоминания являются не просто личными свидетельствами, отражающими субъективное осмысление событий. Скорее внимание необходимо обратить именно на влияние социокультурного контекста, в котором тот или иной участник Первой мировой писал мемуары, т. е. формулировал собственное понимание событий, свидетелем или даже участником которых он был. Иными словами, речь идет о том, как личный опыт превращается в память, которая затем претерпевает изменения и становится текстом, причем обладающим характеристиками, позволяющими его опубликовать.

А потому мемуары теснейшим образом связаны с публичным пространством (задающим общие границы того, что и каким образом может быть сказано публично), которое в советское время находилось под жестким воздействием государственной идеологии. Идеологическая установка на дискредитацию царской России задавала ориентиры стремлению участников событий критически переосмыслить собственный фронтовой опыт. Однако для мемуарной литературы 1920–1930-х гг. следование жестким канонам марксизма-ленинизма было скорее исключением, нежели правилом. Вариативность представлений о Первой мировой отмечала и американский профессор К. Петроне, подробно исследовавшая память о войне в советском обществе¹. Другой вопрос, что на переосмысление тех событий намного более серьезное (нежели догмы марксизма-ленинизма) влияние оказывал набор базовых установок интерпретации социальной реальности (в т. ч. и прошлого)², а также сложившаяся коллективная дискуссия о Первой мировой, в частности кристаллизовавшиеся в ходе нее наиболее значимые темы, подходы, способы постановки проблемы. В этой связи нас волнует следующий вопрос: поскольку мемуары представляют собой результат «примирения», с одной стороны, переосмысления фронтового опыта, а с другой — социокультурного контекста, в котором они были написаны, то каковы свойства героизма в представлении советских мемуаристов и как они вводят его в общее представление о событиях Первой мировой?

---

¹ *Petrone K.* The Great war in Russian memory. Bloomington: Indiana university press, 2011. P. 199.

² В данном случае мы отсылаем к понятиям дискурса и социальной онтологии: см.: *Коктыш К.Е.* Социокультурные рамки институционализации политических практик и типы общественного развития // *Полис.* 2002. № 4, 5; *Коктыш К.Е.* Закономерности и динамика развития социальных онтологий // *Полис.* 2002. № 2; *Бирюков Н.И., Сергеев В.М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2002; *Фуко М.* Археология знания. СПб., 2004.

Обзор источников

В основу исследования положены воспоминания 77 участников боевых действий (как самостоятельные, так и журнальные публикации)³ за период с 1918 по 1979 г.⁴ Некоторые из них выдержали несколько изданий⁵. В 1920-х — начале 1930-х гг. они выходили в основном в Государственном издательстве, в дальнейшем — преимущественно в Воениздате, что лишний раз свидетельствует о том, что, по мнению цензуры, эти издания являлись «идеологически верными». Статьи, как правило, публиковались в тематических журналах: в «Военно-историческом», по морской проблематике — в «Морском сборнике» и «Красном флоте», по авиационной — в «Аэро» и «Вестнике воздушного флота».

В первые годы после окончания войны (1918–1923) преобладали журнальные статьи, посвященные отдельным наблюдениям или эпизодам. Для появления более широких обобщений было нужно время. По сути, первой книжной публикацией о боевых действиях русской армии стали обработанные дневниковые записки журналиста М. К. Лемке, в которых он подробно описал деятельность Ставки Верховного

---

³ За пределами внимания остались дневниковые записи, вышедшие либо после смерти авторов (например, Д. А. Фурманова или Штукатурова), либо в то время, когда сам автор находился в эмиграции и не был причастен к публикации (дневник вл.кн. Андрея Владимировича). Также к отдельной группе источников были отнесены публикации авторов-эмигрантов, а также переведенные воспоминания иностранцев. Вместе с тем в общее количество были включены работы А. А. Свечина и Б. М. Шапошникова, которые были написаны при широком использовании различных документов, а потому несут не только мемуарный, но и научный характер.

⁴ Поиск мемуарной литературы осуществлялся прежде всего на основе справочника: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннот. указ. книг и публикаций в журн. / научное рук., ред. и введ. П. А. Зайончковского: В 4 т. М., 1976–1989. Т. 4. Ч. 1. М., 1983. Вместе с тем необходимо отметить, что в него были включены не все вышедшие воспоминания участников Первой мировой.

⁵ В частности, мемуары генерала А. А. Брусилова выдержали пять изданий: 1929, 1941, 1943, 1946 и 1963 г. Воспоминания генерала А. А. Шихлинского сначала были опубликованы в 1944 г., а затем переизданы в Баку в 1984 г. Точно так же записки И. Т. Черкасова сначала увидели свет в 1933 г., а затем — в 1963. Воспоминания М. Д. Бонч-Бруевича публиковались в 1957, 1958 и 1964 г., а А. А. Самойло — в 1958 и 1963 г.

главнокомандующего⁶. Первая волна публикационной активности прослеживается с 1924 г. (десятилетие Первой мировой) до начала 1930-х гг.: в этот период опубликованы 24 книги и статьи. Отметим, что в их число вошли крупные и обстоятельные мемуары таких участников событий Первой мировой, как А. А. Брусилов, В. Н. Войтоловский, В. А. Арамилев, Г. М. Чемоданов, А. А. Свечин и Д. П. Оськин⁷. Они внесли значимый вклад в общественную дискуссию, которая развернулась в советские годы о Первой мировой. В целом, авторы стремились обобщить полученный боевой опыт, зафиксировать собственный взгляд на сложнейшие социальные процессы, завершившиеся торжеством социалистической революции, а также зачастую отразить собственный путь, который привел их к ее признанию.

С 1930-х гг. возникшая дискуссия стала выхолащиваться и сводиться к набору штампов и идеологических утверждений. В целом, процесс забывания, перерождения «живой» коллективной памяти в память-историю можно признать объективным⁸. Окончательно эта тенденция утвердилась со второй половины 1940-х гг. В некоторых случаях (как, например, у И. Х. Баграмяна)⁹ память о Первой мировой фактически заменена пересказом научных исторических работ, в других (в частности, у А. И. Верховского или М. Д. Бонч-Бруевича)¹⁰ идеологические положения стремятся подчинить текст своей логике, в третьих можно наблюдать смесь идеологии, исторических экскурсов и личных свидетельств¹¹.

⁶ Лемке М. К. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг., 1920.

⁷ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963; Войтоловский Л. ...По следам войны. Л., 1931; Арамилев В. В дыму войны: Зап. вольноопределяющегося (1914–1917 гг.). [Л.], 1930; Чемоданов Г. Последние дни старой армии. М.; Л., 1926; Свечин А. А. Искусство вождения полка. По опыту войны 1914–18 гг. М.; Л., 1930. Т. 1; Оськин Д. П. Записки прапорщика. М., 1929.

⁸ См., например: Нора П. Между памятью и историей // Франция память. СПб., 1999. С. 17–51; Копосов Н. Е. Память строгого режима. М., 2011.

⁹ См. Баграмян И. Х. Мои воспоминания. Ереван: Айастан, 1979.

¹⁰ Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959; Бруевич М. Д. Вся власть — советам. М., 1957.

¹¹ См., напр., Лезин М. Воспоминания рядового. Горький, 1958; Давыдов П. В огне трех войн. Ставрополь, 1974; Козлов А. Проданные за снаряды. М., 1931; Лисовенко Д. У. Их хотели лишить родины. М., 1960; Егеров М. Русские солдаты во Франции // Военно-исторический журнал. 1959 № 9. С. 97–96; Шаевский Д. Русские солдаты на Балканах // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 66–74; Карев П. Экспедиционный корпус. Куйбышев, 1957;

Однако было бы неверным утверждать, что обозначенная тенденция характеризует абсолютно всю мемуарную литературу¹².

На «оттепель» (с середины 1950-х до середины 1960-х) пришла вторая волна публикационной активности: 24 издания и журнальные статьи (тогда же были переизданы мемуары А. А. Брусилова и И. Т. Черкасова). Подобный интерес можно связать, во-первых, с частичной либерализацией публичного пространства, во-вторых, с 50-летним юбилеем Первой мировой, в-третьих, с появлением определенной исторической дистанции, в-четвертых, с личной судьбой отдельных мемуаристов (например, реабилитация репрессированного А. И. Верховского). В этот период была издана большая часть воспоминаний бывших унтер-офицеров и прапорщиков военного времени, которые сделали военную карьеру при советской власти (преимущественно в период Великой Отечественной), а потому в мемуарах Первая мировая затрагивалась, за некоторыми исключениями, в контексте участия в других войнах, зачастую — как своеобразный пролог к последующим событиям. Среди таковых необходимо назвать С. М. Буденного, И. Х. Баграмяна, А. К. Туманского (в советское время — летчик-испытатель), И. В. Болдина (во Вторую мировую — командующий армией), В. Л. Абрамова (в годы Великой Отечественной — командир корпуса), М. Н. Герасимова (в 1944 г. — командующий армией), С. А. Калинина (в 1941 г. — командующий армией, а затем — военными округами), Г. С. Родина (в 1943–1944 гг. — комкор), А. В. Горбатова (во время Великой Отечественной стал генералом армии), П. М. Давыдова (в 1941–1945 гг. — комдив). К этому же периоду относятся воспоминания генералов М. Д. Бонч-Бруевича и А. А. Самойло, которые в советское время находились на преподавательской работе. Более того, в 1964 г. выходят мемуары и выдающегося русского оружейника В. Г. Федорова — в годы Великой Отечественной войны он состоял консультантом по стрелковому оружию при Наркомате вооружения¹³. В 1969 г. появляются воспоминания маршала СССР Р. Я. Малиновского (где он подробно описывает свое участие в Первой мировой), а в 1974 г. выходят

Ховриши Н. А. Балтийцы идут на штурм. М., 1966; Родин Г. С. По следам минувшего. Тула, 1968.

¹² В качестве наиболее ярких исключений можно назвать, например, следующие работы: Малиновский Р. Я. Солдаты России. М., 1969; Герасимов М. Н. Пробуждение. М., 1965.

¹³ См.: Федоров В. Г. В поисках оружия. М., 1964.

мемуары генерала И. В. Тюленева, а также публикуются написанные еще в 1930-е гг. воспоминания Б. М. Шапошникова¹⁴.

Таким образом, видно, что после 1945 г. о Первой мировой в публичном пространстве рассказывают прежде всего те, кто либо сражался в рядах Красной армии в годы Второй мировой, либо достиг достаточно высокого положения в советское время. Критика «царских порядков» по-прежнему присутствует, однако в большинстве случаев патриотизм русских солдат и их готовность сражаться за Родину во все не скрываются. В этом можно видеть фундаментальное отличие от резко критических (подчас — антивоенных) воспоминаний «первой волны», особенно тех, что вышли из-под пера представителей «левой» интеллигенции (Д. П. Оськин, Л. Н. Войтоловский, В. Арамилев, Л. С. Фридланд). Заметим, что антивоенные настроения были характерны не только для Советской России в 1920–1930-е гг., но и для значительной части интеллектуалов в других странах Европы.

С точки зрения положения, которое занимал автор мемуаров в русской армии в годы Первой мировой, заметно определенное преобладание воспоминаний нижних чинов и обер-офицеров (как правило, прапорщиков военного времени), что и неудивительно: многие из них, как показано выше, стали полководцами Великой Отечественной. Вместе с тем в советское время вышло немало и «генеральских» воспоминаний: А. А. Бруилова, М. Д. Бонч-Бруевича, А. А. Самойло, А. А. Свечина, А. И. Верховного, А. А. Шихлинского. В них авторы не просто описывают свой боевой путь, но и уделяют внимание недостаткам императорской армии и военной администрации. Таким образом, они по сути занимают сторону других критиков царского времени и публично дистанцируются от « пороков царизма », при этом стремясь продемонстрировать, каким образом они перешли на сторону революции.

Ценность мемуаров в качестве источника, в т. ч. и для данного исследования, неравнозначна. Так, проблема героизма не затрагивается той частью свидетельств, которая посвящена деятельности русского флота: в них внимание уделяется либо преимущественно нейтральным организационно-техническим и тактическим аспектам (весьма

---

¹⁴ *Малиновский Р. Я.* Солдаты России. М., 1969; *Тюленев И.* Через три войны. М., 1972; *Шапошников Б. М.* Воспоминания. Военно-научные труды. М., 1974. Впервые отрывки из мемуаров Б. М. Шапошникова увидели свет в «Военно-историческом журнале» под заглавием «Пройденный путь» (1966. № 6–9, 12; 1967. № 1, 3, 6).

интересные и качественные статьи из «Морского сборника»), либо революционной борьбе и нарастанию антиправительственных настроений¹⁵. В этом нет ничего странного, если учитывать особенность морской службы, а также преимущественно пассивную роль, которую играл тогда русский флот.

Точно так же и в воспоминаниях 12 нижних чинов, служивших в русском Экспедиционном корпусе во Франции и на Балканах, доминируют такие темы, как трудности быта простых солдат (включая далеко не всегда лицеприятные сравнения «отсталой» русской и «передовой» французской армий) и те злоключения, которые им пришлось пережить, чтобы после Октябрьской революции попасть в Советскую Россию¹⁶. Вместе с тем, например, нижние чины А. Вавилов, А. Коз-

¹⁵ Бои Черноморского флота с крейсером «Гебен»: Бой 5 ноября 1914 г. (по воспоминаниям и донесениям) // Морской сборник. 1920. № 8/9. С. 10–23; Бой эскадренного миноносца «Новик» с двумя германскими эсминцами 4 августа 1915 г.: (Операция 1915 г. в Рижском заливе) // Красный флот. 1922. № 1. Стб. 56–58; *Вогак В.А.* Последние дни канонерской лодки «Кореец»: (Из воспоминаний участника последней войны) // Морской сборник. 1918. № 7/8. С. 35–60; Воспоминания участника мировой войны на Черном море: Трапезонд // Морской сборник. 1920. № 1/3. С. 207–219; *Давыдов Л.В.* Гибель транспорта «Ормесби» в Ледовитом океане: Эпизод из Великой войны 1914–1918 гг. // Морской сборник. 1919. № 2. С. 101–134; № 3. С. 109–136; *Естюин Т.В.* Гибель корабля «Императрица Мария»: Воспоминания моряка Черноморского флота. М.; Л., 1931; *Лемшиевский Н.* Гибель крейсера «Паллада» 28 сентября (11 октября) 1914 года // Морской сборник. 1922. № 8/9. С. 10–119; *Лукашевич С.* Гибель миноносца «Летучий» и «Исполнительный» // Морской сборник. 1934. № 8. С. 176–178; *Невинский А.М.* Бой с линейным крейсером «Гебен» 5 ноября 1914 г. у мыса Сарыч // Русское военно-морское искусство. М., 1951. С. 40–415; *Ховрин Н.А.* Балтийцы идут на штурм. М., 1966.

¹⁶ *Стетной Н.А.* Белье рабы: Воспоминания о фр. фронте. М.; Л., 1925; *Вавилов А.* Записки солдата. М.; Л., 1927; *Егерева М.* Русские солдаты во Франции: (Воспоминания участника первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 87–96; *Карев П.Ф.* Экспедиционный корпус: (Воспоминания о рус. экспедиц. корпусе во Франции во время Первой мировой войны). Куйбышев, 1957; *Кидяев П.* В кровавых лапах «прекрасной» Франции // Октябрь за рубежом: Сб. воспоминаний. М., 1924. С. 31–47; *Козлов А.* Проданные за снаряды. Л., 1931; *Лисовенко Д.У.* Их хотели лишить Родины / под общей ред. И.И. Зубкова. М., 1960; *Новиков В.Н.* Мытарства русских солдат: Воспоминания рус. солдата о пребывании во фр. лагерях. М.; Л., 1929; *Рыжов И.* В Македонии // Октябрь за рубежом: Сб. воспоминаний. М., 1924. С. 54–63; *Сорокин Т.* Страничка из воспоминаний: Встреча и проводы русских во Франции //

лов и Д. У. Лисовенко вводят тематику героизма, правда, через указание на него и номинальное признание высоких боевых качеств русских солдат, без более подробного описания¹⁷. И лишь маршал Р. Я. Малиновский описывает боевой героизм русских солдат максимально подробно¹⁸.

Для изученных советских мемуаров (вне зависимости от времени их выхода) характерен общий критический подход: поиск противоречий, высвечивание неприглядных сторон русской армии, стремление к переосмыслению этого сложного периода отечественной истории. При этом социалистическая революция оценивается как благо, а вся критика царской России становится обоснованием ее объективного характера. Можно выделить и ряд общих тем, которые в большей или меньше степени затрагивались всеми мемуаристами: осмысление целей войны в солдатской массе (угасание патриотических настроений и разочарование в происходящем), взаимоотношения офицеров и солдат (как противостояние двух враждебных социальных классов), нарастание недоверия к правительству, а также социальная несправедливость в армейской среде.

Отметим и распространенную сюжетную линию (как для солдатских, так и офицерских и генеральских воспоминаний): трансформация отношения к царским порядкам под влиянием войны, а именно перерастание патриотических настроений в оппозиционные, а затем — в коммунистические. Подобное построение сюжета нередко позволяло авторам продемонстрировать, каким образом они приняли идеи революции. При этом патриотические и даже монархические чувства далеко не всегда скрывались: мемуарист просто низводит их до разряда «иллюзий», разрушенных войной. Например, унтер-офицер Давыдов вспоминал о том, как в 1915 г. он должен был получить Георгиевский крест из рук императора Николая II: «В числе таких самых одурманенных слепцов был и я. “Сам царь будет вручать мне Георгиевский крест третьей степени!” — думал я и пьянел от радости. Не верилось, что он, наместник бога на российской земле, как нам внушалось, низойдет ко

Огонек. 1924. № 31; *Шаевский Д. А.* Русские солдаты на Балканах (Воспоминания участника первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 66–74.

¹⁷ См.: *Вавилов А.* Указ. соч. С. 29; *Козлов А.* Указ. соч. С. 14; *Лисовенко Д. У.* Указ. соч. С. 49.

¹⁸ *Малиновский Р. Я.* Солдаты России. М., 1969.

мне, крестьянскому парню, им же одетому в шинель для защиты его трона и отечества»¹⁹. Тем самым «неудобные» (с точки зрения господствовавшей идеологии) факты не умалчиваются, а реинтерпретируются в нужном ключе.

Общественный дискурс и пропаганда: память о героизме

Прежде чем перейти к анализу отражения непосредственного героизма, стоит обратить внимание, что многие мемуаристы считают важным остановиться на том, как в пропаганде и общественном дискурсе (т.е. при публичном осмыслении текущей войны) создавалось ложное представление о реальной боевой работе армии, в т.ч. и о подвигах. В этом следует видеть не просто стремление лишний раз раскритиковать порядки царского времени (и тем самым дистанцироваться от него, представив свой личный — претендующий на объективность — взгляд на проблему), но влияние фронтового опыта, который сам по себе свидетельствовал о несостоятельности помпезно-героической риторики.

Анализ материалов периодики и различных популярных изданий военного периода (1914 — начало 1917 г.)²⁰ позволяет утверждать, что разговор о героизме в основе свелся к воспроизводству четко фиксированного образа, который в совокупности состоял из ряда неотъемлемых элементов. Особая духовность, готовность к самопожертвованию и добровольность подвига — всё это становилось сущностью героического поведения. При этом подвиг обязательно должен принести определенный успех, а сам герой — получить соответствующее вознаграждение (как правило, Георгиевский крест). У нижних чинов выделялось удалство. Здесь можно вспомнить первого георгиевского кавалера К. Крючкова, который в одном бою, по официальным сведениям, собственноручно убил 11 германцев²¹. Образ же

¹⁹ Давыдов П. Указ соч. С. 7–8

²⁰ Речь идет о газетах «Биржевые ведомости», «Утро России», «Русское слово», «Московские ведомости». Первые итоги исследования были представлены на Международной научной конференции «Первая мировая война в истории и культуре России и Европы», г. Калининград, 24–26 октября 2013 г. (БФУ им. И. Канта, Калининградский историко-художественный музей). В настоящее время готовится к выходу статья в сборнике, который издается по итогам конференции.

²¹ О Крючкове и созданном образе см.: Пахалюк К. Безликая война // Рейтар. 2010. №. 1. С. 122–149.

штаб-офицеров и генералов обязательно включал полководческий талант в совокупности с высокими моральными качествами и заботливым отношением к солдатам. Важно то, что героизм весьма редко вписывается в контекст фронтовой действительности, зачастую он выделяется из нее с целью продемонстрировать подвиг человеческого духа, способность отдельной личности переломить обстановку (от отдельной стычки до целых фронтовых операций). Эта личность идеализируется, и тем самым создается образ, который должен служить предметом для подражания. В этом плане задача тех же газет заключалась в том, чтобы предъявить широкой публике образцы правильного (оно же — героическое) поведения. Поскольку последние представлялись как *реальные* примеры фронтового героизма, то фигуры героев детализировали общий идеологический тезис о «народном характере войны».

Неудивительно, что сравнение фронтового опыта и обозначенного выше способа его описания вызывало у многих солдат и офицеров чувство неприязни, граничащей с обидой на отсутствие внимания к реальным проблемам сражающейся армии. Подобные попытки поднять боевой дух встречали зачастую негативную реакцию в войсках и подрывали веру к прессе²². Так, полковой телефонист И. Бояков-Анжерский рассказывал о том, какое откровенное недоверие вызвали преувеличенные рассказы о героических подвигах других нижних чинов, тиражируемые в приказах по армии. Например, в приказе по 4-й армии от 11 июля 1916 г. рассказывалось о разведчике Тимофее Романовиче Кошелеве, который «с оторванной выше щиколотки правой ногой, еле державшейся на лоскутке кожи, и многими ранениями всего тела осколками» сумел перейти вброд речку и принести с собой винтовку и две ручные бомбы. Мемуарист сопровождал это следующими комментариями: «Я не могу понять, как мог разведчик Кошелев “нести винтовку и две бомбы на одной ноге”. Ведь другая нога, как видно из приказа, фактически в то время уже не существовала! Возможно, что Кошелев, собираясь поправиться и опять “показать русского солдата”, такого пустяка, как отсутствие одной ноги, не заметил»²³. Военный врач Л. Н. Войтоловский весьма

---

²² См.: Пахалюк К. Идеологические причины делегитимизации самодержавия в России // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 5. С. 45–52.

²³ Бояков-Анжерский И. Записки полкового телефониста // Сибирские огни. 1931. № 1. С. 18.

красочно писал о разнице «окопной» и «газетной» правды: «К судорогам чужого страдания привыкнуть можно. Мрачное молчание смерти скоро перестает волновать. Но стонущие поля сражений, но кишачие воплями вокзалы впиваются в сердце, как раскаленные пули. Только тут война встает во весь рост и поражает вечной скорбью. Вот они — романтические залпы орудий, немые цифры газетных донесений и гнусные фразы о патриотизме, героизме и рыцарских подвигах на войне»²⁴.

Ради справедливости необходимо отметить, что источниками преувеличений о героических подвигах становились и сами нижние чины. «Солдаты добродушно курят папиросы, уплетают за обе щеки шоколадные плитки и в знак признательности врут корреспондентам в три короба о своих подвигах, о немецких зверствах», — писал вольноопределяющийся В. Арамилев (выходец из интеллигенции, человек «левых» взглядов) об обстановке в госпиталях²⁵. Однако скорее ввиду отсутствия опыта общения с прессой солдаты стремились говорить так, как считали принятым это делать в данной ситуации. Они выстраивали свою речь в соответствии с «рассказами» других нижних чинов, публиковавшихся в газетах (которые, в свою очередь, активно читались в войсках), т. е. воспроизводили сложившийся способ репрезентации фронтовой действительности со всеми его акцентами и штампами.

Эту разницу между личным восприятием, ощущением фронтовой жизни и тем, какой она вырисовывалась при попытке облечь эти чувства и мысли в слова в диалоге с журналистом, прекрасно описал Вс. Вишневский, который в 14 лет бежал на фронт. Вернувшись домой для лечения от чесотки зимой 1915 г., юный доброволец (а в будущем известный поэт) дал интервью «Петроградскому листку»: «Я кратко отвечал на вопросы, рассказывал сам... Потом чувствовал, что то, что я рассказываю, — ужасно бледно и просто. Но ведь так и было... Я был еще мальчиком, и журналисту нетрудно было сбить меня и заставить плести правдоподобные небылицы, которые он тут же записывал. Потом “я прочитал в газете о “Володике В.”, который побывал в “огненных вихрях войны” и т. п. Чорт бы побрал и журналиста и меня!»²⁶. Как видно, Вс. Вишневский не снимает с себя ответственность за то, что при

²⁴ *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 270.

²⁵ *Арамилев В.* Указ. соч. С. 163.

²⁶ *Вишневский Вс.* Мои воспоминания (1914–1921 гг.) // Собрание сочинений. М., 1954. Т. 2. С. 685

общении с журналистом он не смог отобразить полученный боевой опыт иначе, чем на языке пропаганды.

Однако, несмотря на столь резкое неприятие героической риторики, тематически критикуемый образ героев и память о героизме, нашедшая отражение в мемуарах, во многом совпадают. Это позволяет предположить, что в сознании российской общественности и фронтовиков было некое единое определение о героизме. Однако поскольку свидетели и участники Первой мировой находились в разных не просто социальных, но и дискурсивных пространствах²⁷, то конечные репрезентации этого явления отличались между собой. В дальнейшем, строя анализ мемуарной литературы, мы будем делать отсылки к общественному дискурсу, сложившемуся в 1914–1917 гг. Этот по большей части риторический прием нам необходим лишь для того, чтобы выделить то своеобразие в понимании героизма, которое удалось обнаружить непосредственно в мемуарной литературе.

Героизм как профессионализм

Начать стоит с того, как позиционировалась суть героизма. Выше уже отмечалось, что для общественного дискурса военного периода его неотъемлемой чертой стало самопожертвование, а сам подвиг знаменовал собой торжество человеческого духа. Все это напрямую вовсе не опровергается в исследованных мемуарах, однако авторы вступают в полемику (нередко прямую) с таким представлением, предлагая собственное, иное (не всегда полностью противоположное) видение этого явления. Для них истинный героизм и подвиг — не торжество духа, не однократное преодоление неблагоприятных условий для достижения подчас ошеломительных результатов. Героизм — часть неприглядной фронтовой действительности, лишенной поэтической эстетики. Подполковник Г. Н. Чемоданов приводил следующие слова неизвестного полковника, приехавшего инспектировать позиции (осень 1916 г.) и попавшего под обстрел: «Пред вами, пред вашей жизнью надо преклониться, — с пафосом говорил он. — Я понимаю, можно решиться,

---

²⁷ В данном случае понятие дискурса отсылает к особому способу понимания и вербализации действительности. Дискурсивное пространство, в свою очередь, представляет собой систему, задающую ключевые смыслы и границы осмысления и высказывания.

можно принести себя в жертву, но это будет миг, внезапность, порыв. Находиться же в ваших условиях, жить дни, недели, горы у смерти в лапах, чувствовать ее дыхание — это ужасно, это действительно истинное героичество»²⁸. А затем и сам добавляет: «Для меня, участника нескольких войн, не существует людей ни храбрых, ни трусливых, а есть лишь люди, умеющие в большей или меньшей степени владеть своими нервами. Я знал людей, распускавшихся от небольшой опасности и хладнокровных в минуту смертельных ужасов. Настроение, самолюбие, чувство долга — вот главные факторы, руководящие человеком в боевой обстановке»²⁹.

Героизм лишается поэтически-восторженной привлекательности, он «профессионализируется», превращаясь в добросовестное исполнение своих обязанностей (и тем самым становится неотъемлемой частью фронтовой реальности и боевой работы). Конечно, это подразумевает и готовность ежечасно жертвовать собой, руководствуясь идеями долга, и отсутствие страха смерти. Однако бесстрашие — лишь констатация определенного поведения во время боя, его же глубинные причины оцениваются весьма неоднозначно. Военный врач Л. Н. Войтоловский так оценивал бесстрашие солдат и офицеров: «Из жажды жизни рождается боевой фатализм. Из боевого фатализма вырастает равнодушие к чужой смерти: так суждено, так полагается на войне!..»³⁰ А. Горбатов писал о пренебрежении смертью как о психологическом аспекте, добавляя весьма показательные строчки о трансформации его отношения к войне: «Моя всегдашняя готовность ввязаться в рискованное дело превратилась в разумный риск солдата-фронтовика»³¹.

Действительно, подвиг лишается элементов иррационального, неразумного. «Безумство храбрых» — тоже героизм, однако в цене иное поведение — рациональное, продуманное, не приводящее к напрасным жертвам. Например, А. А. Свечин так вспоминал об одном из командиров рот своего полка: «Некоторые из них были прекрасны, например Сережа Тимофеев, тонкий, стройный, красивый, которого всегда надо было удерживать от какой-нибудь глупости: например, прикинувшись дезертиром, он хочет идти на австрийский пост, чтобы неожиданно

²⁸ *Чемоданов Г.* Последние дни старой армии. М.; Л., 1926. С. 33.

²⁹ *Чемоданов Г.* Там же. С. 78.

³⁰ *Войтоловский Л. Н.* Указ. соч. С. 96.

³¹ *Горбатов А. В.* Годы и войны. М., 1989. С. 38.

выхватить ручную гранату и увести австрийцев в плен»³². Если исходить из надлежащего исполнения своих прямых служебных обязанностей, то по-другому назвать такое поведение сложно.

Рациональное начало героизма подчеркивает и прапорщик военного времени (во время Великой Отечественной — генерал, командующий армией) М. Н. Герасимов, воспроизводя слова своего командира — начальника команды пеших разведчиков штабс-ротмистра С. Муромцева: «В начале работы в разведке мне казалось, что так называемые “лихие ребята” наиболее подходят для разведки. Вскоре мне, однако, пришлось отказаться от этого мнения, так как я дорого заплатил за него потерей нескольких прекрасных людей. С той поры я очень недоверчиво отношусь к “лихим ребятам”... Я не отрицаю допустимость риска, но бесшабашная удаля, как вы определили некоторые качества, необходимые разведчику, в большинстве случаев простое безрассудство. Разведчику нужно иметь горячее сердце, в этом я полностью согласен с вами, но наряду с горячим сердцем ему нужна холодная голова»³³. Молодой прапорщик (бывший крестьянин) Герасимов признался: «Моя военная романтика, которой я был, нечего греха таить, напитан, тускнела в моих собственных глазах, лишаясь своего еще недавнего обаяния»³⁴. Точно так же и бывший рабочий И. Бояков-Анжерский, не без иронии рассказывая о том, как он под вражеским обстрелом собирал осколки снарядов (чтобы по ним определить наличие новых батарей противника), назвал свой подвиг «безрассудным героизмом» и оказался далек от мысли, что так надлежит действовать каждому³⁵.

О неприятии безрассудного удаляства писал и военный врач Войтоловский, рассказывая об отношении солдат к двум офицерам их полка. Один из них — полковник Нечволодов, у которого была репутация «бесстрашного офицера. Об его неустрашимости из уст в уста передаются окопные легенды... Солдаты относятся к нему с полным доверием. Они знают, что он ни одним человеком не пожертвует без крайней необходимости»³⁶. Абсолютно иную репутацию имел капитан Радзивилл, «который идет в атаку, ни разу не наклонившись. Солдаты ползут

---

³² *Свечин А.А.* Искусство вожения полка. По опыту войны 1914–1918 гг. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 31.

³³ *Герасимов М.Н.* Указ. соч. С. 119–120.

³⁴ Там же С. 121.

³⁵ *Бояков-Анжерский И.* Указ. соч. С. 10.

³⁶ *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 213.

на брюхе, боятся голову приподнять, а он во весь рост прет, не сгибая голову, прямо на пулеметы. Воля железная. Но солдаты его не ценят: “Зря смерти ищет”»³⁷.

Некоторые авторы не просто фиксируют неприятие «удальства», но и фактически осуждают подобное поведение, особенно если оно противоречит приказам начальства. Так, командующий 8-й армией А. А. Брусилов в мемуарах останавливается на эпизоде, который относится к событиям ноября 1914 г. в Карпатах, когда 48-я пехотная дивизия генерала Л. Г. Корнилова прорвалась к Венгерской равнине, но затем с потерями была вынуждена отступить. Командующий обвиняет будущего лидера Белого движения в неповиновении приказам. Причем генерал Цуриков (командир корпуса, ближайший начальник Корнилова) защищал последнего, оценивая его действия как безрассудную храбрость, что служило слабым оправданием: «Тут уже я считал необходимым предать его суду за вторичное ослушание приказов корпусного командира, но генерал Цуриков вновь обратился ко мне с бесконечными просьбами о помиловании Корнилова, выставляя его пылким героем и беря на себя вину в том отношении, что, зная характер Корнилова, он обязан был держать его за фалды, что он и делал, но в данном случае Корнилов совершенно неожиданно выскочил из его рук. Он умолял не наказывать человека за храбрость, хотя бы и неразумную, и давал обещание, что больше подобного случая не будет. Кончилось тем, что я объявил в приказе по армии и Цурикову, и Корнилову выговор»³⁸. Важно здесь даже не то, что А. А. Брусилов вряд ли мог в советское время положительно написать об одном из лидеров Белого движения (хотя в реальности между ними конфликт действительно существовал). Значение имеет сам факт, каким образом мемуарист счел нужным представить ситуацию и какое место он отвел героизму.

Интересен и другой пример. Генерал А. А. Свечин, описывая обстановку, в которой в конце августа 1915 г. оказался его полк, замечает: «Однако бороться с собственным эгоистическим чувством, когда начальство начинает раздвигать полк, крайне трудно. Много значит и недоверие к соседу, к обстановке дезорганизации, которая имеет у него место и в которую жаль бросать свои лучшие части... Особенную остроту эгоистические соображения приобретают в такие периоды общего упадка, в котором находилась русская армия в августе 1915 г.

³⁷ *Войтоловский Л.* Указ. соч. С. 213.

³⁸ *Брусилов А. А.* Воспоминания. М., 1963. С. 130–131.

Общие моральные условия были таковы, что поступить иначе можно было бы, только поднявшись на высшую ступень геройства»³⁹. В данном контексте «геройство» выступает синонимом и самопожертвования (во имя спасения соседних частей), и высокого боевого духа, но в то же самое время мемуарист фактически ставит под сомнение возможность подобного поведения в реальных условиях.

Героизм и духовность

В общественном дискурсе военного время характерной чертой героя становились его высокие морально-нравственные качества и присущая ему особая духовность, отличающая его от «варвара-противника» (и тем самым свидетельствующая о Богоизбранности русского народа). В мемуарной литературе, безусловно, подобных широких обобщений обнаружить невозможно. Однако тема «духовности» не исчезает полностью, а сужается до обращения к психологическому облику конкретного солдата или офицера. Если в общественном дискурсе каждый герой свидетельствует об особой духовной составляющей, характерной для русской армии («православного воинства»), то в воспоминаниях речь идет о личных качествах отдельных знакомых или в лучшем случае о признании (как правило, без дальнейшей детализации) высоких боевых характеристик русского солдата.

Примечательно, что как для прессы 1914–1917 гг., так и для последующих мемуаров общим стало утверждение о скромности героя. Например, М. Н. Герасимов отмечал, что ефрейтор Мокеев, который был «первым героем среди разведчиков», отличался большой скромностью и «терпеть не мог быть начальником или старшим»⁴⁰. Да и сам начальник команды пеших разведчиков штабс-ротмистр С. Муромцев следующим образом говорил про успешный поиск, произведенный М. Н. Герасимовым: «Но вы смотрите теперь на сделанное вами не как на нечто героическое. А примерно так, как смотрят настоящие солдаты, то есть не придаете ему особенного значения и не любуетесь собой»⁴¹. Видимо, подобного мнения придерживался И. Бояков-Анжерский, полковой телефонист, когда на похвалу со стороны командира полка он заявил:

---

³⁹ *Свечин А. А.* Указ. соч. С. 89–90.

⁴⁰ *Герасимов М. Н.* Указ. соч. С. 124.

⁴¹ Там же. С. 157.

«Это наш долг, ваше высококордие, и я похвал не заслуживаю»⁴². Военный летчик-офицер Н. С. Мачавариани в мемуарах передавал рассказ нижних чинов-артиллеристов об одном вражеском обстреле, когда был убит любимый ими конь. Сам автор сопровождает этот рассказ следующими словами: «И ни слова о том, что построжки “рубали” под жестоким обстрелом, под градом пуль, увертываясь от копыт бьющих в страхе лошадей. Никто не говорил о том, что рассказавший о гибели Галатеи (кличка коня. — *К. П.*) был в числе рубивших построжки, о том, как, освободив ездовых из-под навалившихся на них лошадей, все орудейные номера вместе с фейерверкером бросились к своему орудию и, отвлекая огонь от своей удалявшейся батареи, били до последнего снаряда по врагу, обрушившему на одинокое орудие всю ярость своей батареи»⁴³. По сути, солдаты не захотели акцентировать на всем этом внимания, считая, что все трудности и сложности являются частью их «обыденной» фронтовой действительности.

Конечно, для большинства мемуаристов вопрос о духовном облике героев не является первостепенным. Однако сама по себе «духовная составляющая» не исчезает — просто акценты смещаются с этического и нравственного измерений на личные боевые качества, которые выражаются в таких понятиях, как «боевой дух», «личная храбрость» и «патриотизм». Так, военный летчик Н. Д. Анощенко, не без попытки выделить свой род войск, писал: «Понятно, что современная воздушная война, требующая от своих участников еще большего героизма, создала большое количество сильных духом людей»⁴⁴. Другой авиатор Первой мировой, в советское время ставший полковником, в 1945 г. опубликовал статью о трех выдающихся летчиках Первой мировой П. Н. Нестерове, А. А. Казакове и Е. Н. Крутене. В ней он, с одной стороны, выделял высокий профессионализм каждого из них, тесно связанный с постоянной работой и совершенствованием, а с другой — беззаветный патриотизм и высоких моральный дух⁴⁵.

⁴² Бояков-Анжерский И. Указ. соч. С. 12.

⁴³ Мачавариани М. С. «Глаза — на юг». Тбилиси, 1969. С. 46.

⁴⁴ Анощенко Н. Д. Война в воздухе. М., 1923. С. 121. Стоит лишний раз обратить внимание читателя на то, что даже в этом отрывке, где автор пытается выделить авиацию как совершенно особый вид службы, героизм предстает перед нами как «нормальная» работа.

⁴⁵ Шуков А. Зачинатели летно-боевого мастерства русской авиации // Вестник воздушного флота. 1945. № 18. С. 53–58.

Героизм и награда

Наконец, третьим ключевым элементом образа героя в общественном дискурсе времени Первой мировой стало наличие георгиевской награды. С одной стороны, она являлась формальным свидетельством того, что ее обладатель — истинный герой, а с другой — постоянные упоминания о награждениях были призваны убедить общество, что отечество не забудет их. Взаимосвязь «подвиг/герой — награда» являлась практически неразрывной, а на страницах газет имела нормативный характер: герой должен быть награжден, награда — справедлива и позволяет выделять особо отличившихся. Поставить же под сомнение награждение в публичном пространстве (на страницах газет или других печатных изданий) было невозможно.

В мемуарной литературе, несмотря на все особенности отношения к царскому прошлому в советские годы, авторы вовсе не стеснялись писать о желанности и престижности георгиевской награды. Генерал А. И. Верховский вспоминал: «Я получил телеграмму из штаба армии, извещавшего, что за бои под Бялой я представлен к Георгию. Белый крестик был моей мечтой еще с детских лет. Эта телеграмма особенно живо напомнила о фронте, и потянуло опять туда, где бились за родину друзья, где один не потерявший голову человек мог решить судьбу боя»⁴⁶. С гордостью пишут о боевых подвигах, за которые они получили георгиевские награды, и бывшие унтер-офицеры С. М. Буденный, М. Н. Герасимов, П. М. Давыдов и Н. Н. Биязи⁴⁷. Упоминает о представлении к награде в своих скупых воспоминаниях и П. А. Чеботаев⁴⁸. Вс. Вишневский вспоминал о своем желании получить Георгиевский крест⁴⁹. И. Черкасов оставил следующие строки, весьма смелые для 1935 г., но под которыми могли бы подписаться и многие другие мемуаристы: «За разгром турецкой батареи и за то, что остался на фронте, несмотря на контузию, меня наградили Георгиевским крестом третьей степени. Медаль и крест украшали мою грудь. Я мог гордиться тем, что честно несую службу царю и родине. И гордился»⁵⁰.

⁴⁶ *Верховский А. И.* Указ. соч. С. 52.

⁴⁷ *Буденный С.* Указ. соч.; *Давыдов П. М.* В огне трех войн. Ставрополь, 1972; *Герасимов М. Н.* Пробуждение М., 1965; *Биязи Н. Н.* В огне трех войн // Ставрополье. 1970. № 1. С. 25.

⁴⁸ *Чеботаев П. А.* Немало нами хожено. Свердловск, 1967. С. 12.

⁴⁹ *Вишневский Вс.* Мои воспоминания (1914–1921 гг.) // Собрание сочинений. М., 1954. Т. 2. С. 670.

⁵⁰ *Черкасов И.* Указ. соч. С. 73.

Вместе с тем это вовсе не мешает подвергнуть сомнению связку «герой — награда». Каждый из мемуаристов, затрагивающих данную проблему, делает это по-своему, но не выходит за рамки общего критического подхода и более общих способов осмысления социальных процессов.

Так, одной из ключевой тем коллективной дискуссии о Первой мировой стало осмысление целей войны. А потому И. Черкасов следующим образом продолжил процитированные выше строки: «И гордился. И в то же время все чаще и чаще рождались сомнения: “А принесет ли война то освобождение, ради которого я с песней шел на фронт и ради которого рискую жизнью каждый день и каждую минуту?”»⁵¹. Георгиевский крест не был той наградой, которая могла бы в полной мере удовлетворить чаяния тех, кто шел отдавать жизнь.

Другой весьма резонный вопрос — справедливость выделения и награждения одних и обхождения наградой других, что лишний раз становилось подтверждением порочности царской военной системы. Поскольку героизм является частью фронтовой повседневности, тесно вплетенной в боевую работу, то весьма справедливыми будут следующие слова В. Арамилева о принципиальной сложности определения и выделения героев, особенно если все сражались достойно: «На наш полк отпущено изрядное количество георгиевских крестов. Нужно кого-то “выделить”, кого-то “представить” в герои и кавалеры. Но как выделять, когда перебит чуть не весь офицерский состав, ходивший с нами в атаку? Как выделять, когда вообще героев не было, геройства не было, когда была просто слепая, стихийная человеческая масса, загипнотизированная дисциплиной? Правда, когда наступали, то некоторые длинноногие ходоки бежали впереди, обгоняя других. Но где видано, чтобы выдавать за длинные ноги кресты и медали? <...> Неловко без героев. В других корпусах есть, почему ж у нас нет?»⁵².

Недооценка заслуг с точки зрения награждения и известности является сквозной линией для мемуаров выдающегося русского генерала А. А. Брусилова, которая восходит к более высокому обобщению — неумению страны оценить собственных героев: «Повторяю: я славы не искал, но, проливая тогда солдатскую кровь во имя родины, теперь я имею право желать, чтобы хотя бы история достойно оценила моих

⁵¹ Черкасов И. Указ соч. С. 73.

⁵² Арамилев В. Указ соч. С. 137.

самоотверженных героев — солдат и офицеров. В память погибших воинов я пишу эти строки, а не для прославления своего имени»⁵³.

Ради справедливости стоит все же отметить необоснованность многих претензий А. А. Брусилова. В частности, после победы в Галицийской битве (август-сентябрь 1914 г.) его имя также было известно России, как и другого героя тех сражений генерала Н. В. Рузского. Конечно, можно спорить о личном вкладе последнего, но несомненно: его армия внесла большой вклад в разгром правого крыла австро-венгерских войск⁵⁴, а войска Брусилова играли по большей части второстепенную роль. При этом и в адрес последнего можно высказать упрек в нерасторопности при наградах, что вызывало определенное недовольство: в частности, начальник 3-й кавказской стрелковой дивизии осенью 1915 г. написал даже в Ставку Верховного главнокомандующего. Согласно приказу Верховного главнокомандующего от 15 апреля № 272 (на тот момент — вл. кн. Николай Николаевич), боевые награды строевым офицерам должны выдаваться в ускоренном порядке: не позже двух месяцев со дня боя их следовало утверждать приказом по армии. Реальность же оказалась несколько иной. 3-я кавказская стрелковая дивизия вела бои на р. Сан с 6 по 25 мая 1915 г. (по ст. ст.). 29 июня наградные листы были представлены в штаб 8-й армии. Окончательно решение было принято лишь в сентябре: только 18 сентября (по ст. ст.) вышел приказ о награждении 82 офицеров из представленных 153. О судьбе остальных представлений ничего не было известно, что делало практически невозможным награждение этого 71 офицера в дальнейшем. Осенью 1915 г. дивизия уже находилась в составе 5-й армии генерала П. А. Плеве, а ее штаб требовал сведений о судьбе предыдущих представлений, чтобы иметь возможность представить офицеров к награде⁵⁵.

---

⁵³ *Брусилов А. А.* Указ. соч. С. 157. Отметим, что внимание Брусилова к солдатам отмечал и военный корреспондент Н. Каржанский, пересказывая его слова: «Русский солдат искони показывал себя самоотверженным воином, беззаветно храбрым в бою, стойким в походе и стремительным в атаке. Еще Фридрих Великий говорил, что русского солдата мало убить — его надо еще повалить. Таковы не только свойства солдата, но и русского народа, из рядов коего вышел солдат». См.: *Каржанский Н.* Записки военного корреспондента // *Знамя.* 1940. № 4/5. С. 107.

⁵⁴ См.: *Белой А.* Галицийская битва. М., 1929.

⁵⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 67. Л. 293.

Более того, в мемуарах зачастую судьба наград связывалась с личностью командиров: кто-то внимательно относился к подчиненным и был щедр на награды, кто-то, наоборот, весьма скуп подходил к этому вопросу, полагая, что награждать следует лишь за наиболее выдающиеся подвиги. Например, А. А. Брусилов выделял командира 8-го армейского корпуса генерала Орлова, который, несмотря на свои профессиональные качества, был нелюбим подчиненными офицерами за то, что «он страшно скуп на награды, с ними редко говорит и, по их мнению, относится к ним небрежно»⁵⁶. Зато офицерам 5-го финляндского стрелкового полка, судя по воспоминаниям А. А. Свечина (командир 6-го финляндского стрелкового полка), повезло больше: «Штаб 5-го полка отличался, между прочим, своим красноречием. Представления офицеров к наградам составлялись с изысканной тщательностью и любовью. Несмотря на гораздо большую боевую работу моего полка, в 5-м полку офицеры получали больше наград, в особенности орденов Георгия»⁵⁷.

С другой стороны, если героизм является частью повседневного боевого опыта, то выделить подвиг становится действительно сложно. Так, военный летчик А. К. Туманский вспоминал, как весной 1917 г. командир корпуса отменил его представление к очередному Георгиевскому кресту за сбитый германский самолет на том основании, что «сбивать немцев — воинский долг наших летчиков и никакого подвига в этом нет...»⁵⁸. То разочарование, с которым об этом пишет автор, лишний раз указывает на всю сложность вопроса награждения.

Отсутствие справедливости в вопросе награждения порой вызвало переосмысление наградного процесса в целом. В этом плане стоит привести цитату из воспоминаний В. Арамилева, который записал следующее предложение нижнего чина Николая Власова ротному командиру: «Нельзя ли, ваше благородие, кресты по очереди всем носить: неделю бы тот, неделю бы энтот или ба хто в отпуск в деревню проедет — тому креста три на грудь на временное пользование. Справедливо бы было, ей-богу! Я первый...»⁵⁹.

Интересно и то, как в общий контекст вопроса о заслуженности вплетается характерное для Первой мировой отношение в высших

⁵⁶ Брусилов А. А. Указ. соч. С. 130.

⁵⁷ Свечин А. А. Указ. соч. С. 28.

⁵⁸ Туманский А. К. Полет сквозь годы. М., 1962. С. 59.

⁵⁹ Арамилев В. Указ. соч. С. 138.

штабах к наградам как к чему-то само собой разумеющемуся⁶⁰. Подобное нашло отражение в мемуарах генерала М. Д. Бонч-Бруевича (генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта). В них он сокрушался, что генерал Н. В. Рузский (главнокомандующий фронтом) наградил его лишь георгиевским оружием, а представить к ордену Св. Георгия 4-й ст. обещал, но так этого и не сделал. Вопрос о том, заслужил ли он сам столь высокого отличия, М. Д. Бонч-Бруевич не поставил. Это, однако, не мешает ему критиковать А. И. Деникина, который якобы ушел из штаба 8-й армии на строевую должность для того, чтобы вступить «на желанный путь быстрого продвижения к “чинишкам” и “орденишкам”»⁶¹.

Соответственно мы видим, что вопрос о награждении в мемуарах получает одновременно системное и личностное измерение, которые постоянно перемешиваются. Награда желаемая, однако четких критериев выделения героев не существует. С одной стороны, этот вопрос ставится в зависимость от решения начальства, с другой — от личных (подчас эгоистичных) устремлений отдельных офицеров получить незаслуженную награду⁶². Проблема фиксируется, однако объясняется (разрешается) через традиционные отсылки либо к чьей-то (злой) воле, либо к порочности общей системы.

При этом вопрос о награждении нижних чинов получает и «классовое» (вернее, «наивно-классовое») измерение через противопоставление героизма простых солдат («трудовой класс»), честно сражавшихся за Родину, и офицеров («эксплуатирующий класс»), которые получали за это награды. С. М. Буденный вспоминал, как за его подвиг под Бжезинами получил награду и командир эскадрона, вообще не участвовавший в лихой атаке⁶³. Ему как будто вторит рядовой Вавилов: «Благодаря русским солдатам наши офицеры слыли героями, производились в высокие чины и нашивали себе наградные знаки»⁶⁴. На несправедливость в распределении наград указал и военный летчик А. Петренко: «Большинство летчиков-офицеров еле

---

⁶⁰ Это особенно ярко явствует из сохранившихся документов управления дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 67, 70.

⁶¹ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть — советам. М., 1957. С. 29 — 30.

⁶² См., напр.: *Чемоданов Г. Н.* Указ. соч. С. 33; *Мачавариани М. С.* Указ. соч. С. 110–112.

⁶³ *Буденный С. М.* Указ. соч.

⁶⁴ *Вавилов А.* Указ. соч. С. 29.

вылетывало в месяц положенные шесть часов, иные не выполняли и этой нормы; я в августе налетал 36 часов, неоднократно рисковал жизнью, а в благодарность получил выговор командира за “грубое обращение с офицером”»⁶⁵.

Заметим, что при этом заслуженное награждение офицера нередко преподносилось как исключение. Например, большевик А. Пирейко, работавший в типографии 7-й армии, писал: «Между прочим, в штабе 7-й армии зимой 1916 г. работал в контрразведке один полковник (фамилия мне неизвестна). Работал он днем и ночью, был очень серьезен, задумчив. Когда поступала его работа к нам в печать, то тут уже было не до сна. Он грозил расстрелом, если работа не будет выполнена вовремя... А этот полковник за успешный брусиловский прорыв под Бучачем, у реки Стрыпы, в мае 1916 г. получил генерала. Когда впоследствии мы рассматривали карты, которые мы печатали, в той местности, где шли бои, то оказалось, что этот полковник имел точные сведения о расположении неприятельской армии, и генерала он получил не зря, что очень редко бывало в царской армии»⁶⁶.

Хотя подобные свидетельства тесным образом сопряжены с отрицательным образом русского офицера, сама постановка вопроса имеет смысл. Здесь открывается пространство для изучения того, как выделить и зафиксировать роль того или иного начальника в успехе его войск (и что делать, если успех имеется, но начальник к этому непричастен). На этом фоне обратным (и более узким) выглядит подход, свойственный эмигрантским мемуарам: выделять подвиги исключительно офицеров, по сути, приписывая им героизм подчиненных солдат⁶⁷.

Героизм и контекст

Выше мы прояснили сущность героизма и ключевые темы, которые всплывают в случае, если данная проблема затрагивается мемуаристом. Однако анализ вряд ли стоило бы признать адекватным без изучения того, как героизм включается в общий контекст повествования о Первой мировой войны.

⁶⁵ Петренко А. В небе старой и новой России. М., 1952. С. 55–56.

⁶⁶ Пирейко А. В тылу на фронте империалистической войны. Л., 1926. С. 38.

⁶⁷ См., напр.: Пестержецкий М.И. Воспоминания командира 12-го гренадерского Астраханского императора Александра III полка. М., 2011.

Частично ответ на данный вопрос ясен из приведенных выше примеров. Во-первых, это повествование о собственных подвигах (особенно о тех, за которые мемуарист был награжден), которые позиционируются как часть повседневной боевой работы, лишенной излишней поэтичности. Во-вторых, это свидетельство о героизме своих товарищей, тех, кого автор знал лично (и здесь героизм предстает в куда более ярких красках). Все это — сфера личного опыта и личных отношений, рассказ о частностях, коими полон фронтовой путь каждого солдата.

Совсем по-иному предстает героизм, когда мемуарист обращается к более широким категориям или стремится делать обобщения, касающиеся не только его и близкого круга друзей. На этом уровне наиболее ярко видно влияние сложившейся коллективной дискуссии и тех ее ключевых характеристик, которые были выделены выше.

Так, героизм простых солдат становится частью общего представления о силе духа простого (трудового) народа, который противопоставляется «сгнившей элите». Например, А. Горбатов вспоминал о двух унтер-офицерах, которые во время одного из боев спасли от поражения полк, за что были произведены в прапорщики, но их перевели в другую часть, т. к. «господа офицеры нашего полка заявили, что не желают подавать руку бывшим нижним чинам»⁶⁸. Другой известный полководец Великой Отечественной И. Тюленев описывает подвиг своего 5-го драгунского полка, когда в одном из боев осенью 1914 года командир полковник Чайковский не хотел спешить на помощь соседу. Тогда нижние чины, не дожидаясь приказа сверху, сами перешли в наступление. Немцы были отеснены, и в итоге русские вошли в Сандомир⁶⁹.

Правда, не всегда отношение к офицерскому корпусу было столь однозначным и безапелляционным. Более распространенная структура — противопоставление «достойных» и «недостойных» офицеров, что можно с большой долей вероятности считать попыткой примирить на страницах мемуаров, с одной стороны, фронтовой опыт, а с другой — сложившееся в советское время негативное отношение к представителям офицерского корпуса. Но было ли это исключительно риторическим приемом? Можно ли сказать, что, находясь тогда, в 1914–1916 гг., в окопе, мемуарист думал точно так же? Дать однозначного ответа на поставленные вопросы нельзя, однако логично предположить, что отношение к офицерам в реальной жизни было более дифференцируемым, более

⁶⁸ Горбатов А. Указ. соч. С. 38.

⁶⁹ Тюленев И. Через три войны. М., 1972. С. 34–35.

глубоким, индивидуализированным и не сводилось к «черно-белому» тону. Для нас же важно то, что указанная структура (противопоставление «достойных» и «недостойных») обнаруживается в большинстве мемуаров и именно она вводит в текст тематику героизма⁷⁰.

Например, в воспоминаниях подполковника Г. Н. Чемоданова противопоставление можно усмотреть между штабс-капитаном Андреевым, который без страха выходил на бруствер в полный рост, с тем чтобы ободрить свою роту, и штабс-капитаном Юрченко, который постоянно уклонялся от боя⁷¹. Точно так же Б. К. Колчигин критикует офицеров ряда гвардейских полков, выделяя отдельных из лейб-гвардии Литовского и Кексгольмского⁷². Рядовой С. А. Калинин (в советские годы генерал-лейтенант) противопоставлял своего первого командира роты капитана Частухина, который умел своим внимательным отношением завоевать авторитет среди солдат, и капитана Сухарева, который жесткой дисциплиной стремился «подавить в солдатах все живое, превратить их в безропотное “пушечное мясо”»⁷³. При этом значительную роль в положительном образе офицера играли его личные качества, прежде всего уважительное и понимающее отношение к солдатам. Именно таковые и становятся героями, проявляя себя на поле боя с лучшей стороны.

Помимо этого, героизм нижних чинов лишь усиливает передачу социальной несправедливости в императорской армии. Летчик унтер-офицер А. Петренко дал такую оценку: «Значит, все равно, как ты ни летай, какую ни проявляй храбрость, но если ты “нижний чин”, любой прапорщик может безнаказанно тебя обругать»⁷⁴. Рядовой В. Дмитриев вспоминал о том, как солдатам приходилось вести тяжелейший бой фактически без патронов, в то время как после первого разовравшегося вражеского снаряда их командир (некий капитан) спрятался в блиндаж⁷⁵. Такой же эпизод приводил И. Черкасов, когда нелюбимый

---

⁷⁰ Исключение представляет цитированная выше работа А. А. Свечина, который дал подробные характеристики многим своим сослуживцам. Однако стоит помнить, что речь идет о выдающемся теоретике, а его работа хоть и носит мемуарный характер, но является при этом и полноценным исследованием.

⁷¹ Чемоданов Г. М. Указ. соч. С. 78–79.

⁷² Колчигин Б. К. Брусиловский прорыв // История СССР. 1971. № 3. С. 148–152.

⁷³ Калинин С. А. Размышляя о минувшем. М.: Воениздат, 1963. С. 11.

⁷⁴ Петренко А. Указ. соч. С. 55.

⁷⁵ Дмитриев В. Доброволец. М.; Л., 1929. С. 8.

всеми командир батареи подполковник Сикорский во время одного из боев на Кавказском фронте предпочел отсидеться в блиндаже, предоставив солдатам самим решить исход боя⁷⁶. Военный врач А. Михайлов прямолинейно сформулировал заложенную в основе подобных рассказов мысль, очистив ее от всех дополнительных контекстов, нюансов и уточнений: «Требуя проявления геройства от солдат, офицерство в своем большинстве всячески старалось перед боем и во время боя исчезнуть с фронта, не брезгуя никакими средствами»⁷⁷.

Героизм помещается не только в контекст социальных («псевдоклассовых») противоречий, но и общего развала Российской империи и «загнивания» общества. Весьма характерно, как военный врач Л. Н. Войтоловский передавал обсуждение подвига П. Н. Нестерова (тараном сбил вражеский самолет) в кругу офицеров артиллерийского парка и военных врачей. Акцент был сделан именно на бессмысленность поступка героя-летчика: «Таких днем с огнем поискать, — сказал командир, — а у нас зря погиб, безо всякой пользы...»⁷⁸. В приведенном в мемуарах диалоге никто не отрицает величественность подвига, скорее Нестеров противопоставляется всей остальной России, что лишь раз подчеркивает трагедию героизма.

Показательна статья полковника авиации А. Шиукова, которая была опубликована осенью 1945 г. Рассказ о выдающихся русских авиаторах Первой мировой также представлен как повествование о выдающихся личностях, которым приходилось противостоять системе и непониманию требований времени со стороны высшего военного руководства. Однако героизм вовсе не принимает столь трагических черт: «Сказанного достаточно, чтобы видеть, как беззаветно любили они свою Родину, как мужественно, преодолевая многочисленные трудности того времени, дрались с ненавистным врагом и неизменно выходили победителями»⁷⁹. Другой военный летчик, А. Петренко, писал сходным образом: «Горько вспоминать о том времени (речь в мемуарах шла о той несправедливости, с которой приходилось сталкиваться нижним чинам. — П. К.), но все же и тогда мы гордились и верили в творческую мощь нашего великого народа, и тогда любили свою родину, верили

---

⁷⁶ Черкасов И. Указ. соч. С. 72–73.

⁷⁷ Михайлов А. Из воспоминаний врача о русско-германской войне // Наш край. Царицын, 1924. С. 48

⁷⁸ Войтоловский Л. Н. Указ. соч. С. 38.

⁷⁹ Шиуков А. Указ. соч. С. 58.

в ее грядущее счастье, в то счастье, которое открыла перед всеми народами бывшей Российской империи Великая Октябрьская социалистическая революция...»⁸⁰.

Заключение

Таким образом, мы видим, что проблематика героизма в советских мемуарах хоть и находится на периферии, но и не обойдена стороной. Более того, фиксируется определенная взаимосвязь между восприятием героизма во время Первой мировой и осмыслением его бывшими фронтовиками. Она прослеживается и через резкое отрицание (в частности, неприятие репрезентации героизма в пропаганде), и через диалог (опровержение мемуаристами поэтической романтики фронтового подвига), и через наличие общих тем («духовное» измерение и вопрос награждения). И если конкретное описание героев и их подвигов, как правило, опирается на фронтовые реалии, то в случае более широких обобщений, попыток вписать тематику героизма в общий контекст повествования или прийти к какому-то заключению обозначается сильное влияние именно коллективной дискуссии советского времени. Эти две перспективы переплетаются, в конечном итоге дополняя друг друга. А потому обращение к героизму усиливает критическое отношение к императорской России. В итоге, героизм либо позиционируется как исключение, либо противопоставляется некоей «порочной» системе.

И здесь мы выходим на одну из центральных проблем коллективной дискуссии: в чем авторы видели прагматику героизма, его высший смысл, ради которого стоило жертвовать собой. Да, героизм — часть фронтовой повседневности, лишенный поэзии, он тесно связан с каждодневной боевой работой. Его сущность заключается в повседневном исполнении своего долга, в этом и состоит ключевая задача героя. Но что делать, если война оказывается бессмысленной, а правительство превращается в главного врага? Тогда и героизм начинает терять высший смысл и приобретает оттенок трагизма (его степень зависит от восприятия мемуариста). Не случайно военный врач Войтоловский, постоянно говоря о разложении страны, считает подвиг Нестерова ярким, но бессмысленным. Не случайны и попытки соотнести героизм с личными смыслами, что зачастую также подводит к мысли о бессмысленности подвига. Однако в подобном

⁸⁰ Петренко А. Указ. соч. С. 58.

ракурсе проблема не имеет решения. Те, кто ставит этот вопрос (особенно характерно для мемуаристов, писавших воспоминания в 1920–1930-х гг.), не могут дать вразумительного ответа, тем более приемлемого с точки зрения законов публичного пространства Советского Союза. А потому они и не стремятся прояснить феномен героизма, переводя разговор на то, почему армия в массе пришла к коммунистическим идеям.

Более того, потрясения 1917 г., из которых и родилась Советская Россия, выдвинули на первое место иную ценность, претендующую на всеобщий статус, а именно — революцию, которая требует служить себе. Соответственно в этом контексте героизм солдат Первой мировой не только меркнет, но и становится чем-то неудобным: ведь в почете те, кто выступал против войны и вел антивоенную пропаганду, а не рисковал собой, сражаясь в царской армии. Для мемуаров, изданных после 1945 г. (к тому времени произошел фактический пересмотр государственной идеологии), свойственна попытка примирить две ценности: патриотизм («образца царского времени») и революцию. Теперь доблестная служба в императорской армии сама по себе не имеет оттенка контрреволюционности, от которого надо откреститься. Патриотические чувства 1914–1916 гг. во многом реабилитируются. Как писал Вс. Вишневский, повествуя о своем военном прошлом: «Я сохранил в себе эту готовность к войне все годы, вплоть до 1921-го, но чувство патриотизма обогатилось жадной борьбой за идеи революции»⁸¹.

Тем не менее героизм, каким бы образом он ни вводился, какими бы смыслами не наполнял его автор и какое бы место он ни занимал в повествовании, остается свидетельством (и одновременно данью памяти) того, как русские войска (идет ли речь об отдельных личностях, редких исключениях или всех русских солдатах) выполняли свой долг в годы Первой мировой войны.

Автор выражает искреннюю благодарность М. С. Бобковой и О. Ю. Малиновой за ценные советы, высказанные при редактировании статьи.

---

⁸¹ Вишневский Вс. Указ. соч. С. 679.

Список использованных мемуаров

1. *Абрамов В.Л.* На ратных дорогах. М., 1968.
2. *Арамилев В.* В дыму войны: Зап. вольноопределяющегося (1914–1917 гг.). [Л.], 1930.
3. *Баграмян И.Х.* Мои воспоминания. Ереван, 1979.
4. *Белькович Л.Н.* Воспоминания участника войны // Военное дело. 1918. № 10 С. 11–12; № 14. С. 8–9; № 15; С. 14–15; № 16. С. 7–8.
5. *Биязи Н.Н.* В огне трех войн // Ставрополье. 1970. № 1.
6. Бои Черноморского флота с крейсером «Гебен»: Бой 5 ноября 1914 г. (по воспоминаниям и донесениям) // Морской сборник. 1920. № 8/9. С. 10–23.
7. Бой эскадренного миноносца «Новик» с двумя германскими эсминцами 4 августа 1915 г.: (Операция 1915 г. в Рижском заливе) // Красный флот. 1922. № 1. Стб. 56–58.
8. *Болдин И.В.* Страницы жизни. М., 1961.
9. *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть — советам. М., 1957.
10. *Бояков-Анжерский И.* Записки полкового телефониста // Сибирские огни. 1931. № 1. С. 3–19.
11. *Брусиллов А.А.* Мои воспоминания. М., 1963.
12. *Буденный С.М.* Пройденный путь. Кн. 1. М., 1959.
13. В немецком плену // Огонек 1924. № 35.
14. *Вавилов А.* Записки солдата. М.; Л., 1927.
15. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1978.
16. *Верховский А.И.* На трудном перевале М., 1959.
17. *Вишневский Вс.В.* Мои воспоминания (1914–1921 гг.) // Вишневский Вс. В. Собр. соч. Т. 2. М., 1954. С. 647–794.
18. *Вогак В.А.* Последние дни канонерской лодки «Кореец»: (Из воспоминаний участника последней войны) // Морской сборник. 1918. № 7/8. С. 35–60.
19. *Войтоловский Л.Н.* Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998.
20. Воспоминания участника мировой войны на Черном море: Трапезонд // Морской сборник. 1920. № 1/3. С. 207–219.
21. *Герасимов М.Н.* Пробуждение / предисл. В. Поликарпова. М., 1965.
22. *Горбатов А.В.* Годы и войны. М., 1965.
23. *Гринштейн О.* В немецком плену // Вопросы истории. 1975. № 9. С. 115–126.
24. *Давыдов Л.В.* Гибель транспорта «Ормесби» в Ледовитом океане: Эпизод из Великой войны 1914–1918 гг. // Морской сборник. 1919. № 2. С. 101–134; № 3. С. 109–136.
25. *Давыдов П.М.* В огне трех войн. Ставрополь, 1972.
26. *Дмитриев В.* Доброволец: воспоминания о войне и плене. М., 1929.
27. *Егерев М.* Русские солдаты во Франции: (Воспоминания участника Первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 87–96.

28. *Есютин Т.В.* Гибель корабля «Императрица Мария»: Воспоминания моряка Черноморского флота. М. ; Л., 1931.
29. *Калинин С.А.* Размышления о минувшем. М., 1963.
30. *Карев П.Ф.* Экспедиционный корпус: (Воспоминания о рус. экспедиц. корпусе во Франции во время первой мировой войны). Куйбышев, 1957.
31. *Каржанский Н.* Записки военного корреспондента // Знамя. 1940. № 4/5 С. 59–120.
32. *Каррик В.* Война и революция // Голос Минувшего. 1918. № 4/6. С. 5–47; № 7/9. С. 26–76.
33. *Кидяев П.* В кровавых лапах «прекрасной» Франции // Октябрь за рубежом: сб. воспоминаний. М., 1924. С. 31–47.
34. *Кириш Ю.* Под сапогом Вильгельма. М., 1925.
35. *Козлов А.* Проданные за снаряды: Рус. солдаты на фр. фронте в 1916 г. Л., 1931.
36. *Коллонтай А.М.* Отрывки из дневника. Л., 1924.
37. *Колчигин Б.К.* Брусиловский прорыв // История СССР. 1971. № 3. С. 148–152.
38. *Крейсон П.* Из воспоминаний // Вестник воздушного флота. 1927.
39. *Лезин М.А.* Воспоминания рядового М., 1958.
40. *Лемитшевский Н.* Гибель крейсера «Палюлада» 28 сентября (11 октября) 1914 года // Морской сборник. 1922. № 8/9. С. 102–119.
41. *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Пг.: Госиздат, 1920.
42. *Лисовенко Д.У.* Их хотели лишить Родины / под общ. ред. И.И. Зубкова. М., 1960.
43. *Лукашевич С.* Гибель миноносца «Летучий» и «Исполнительный» // Морской сборник. 1934. № 8. С. 176–178.
44. *Любимов Л.Д.* На чужбине: (Воспоминания). М., 1963.
45. *Малиновский Р.Я.* Солдаты России. М., 1969.
46. *Мачавариани М.С.* «Глаза — на юг». Тбилиси, 1969.
47. *Меньчуков Е.А.* Воздушный флот в начале мировой войны на русско-германском фронте // Вестник воздушного флота. 1927. № 6. С. 3-6.
48. *Михайлов А.* Из воспоминаний врача о русско-германской войне // Наш край. Царицын, 1924. № 1. С. 47–49.
49. *Невинский А.М.* Бой с линейным крейсером «Гебен» 5 ноября 1914 г. у мыса Сарыч // Русское военно-морское искусство. М., 1951. С. 407–415.
50. *Новиков В.Н.* Мытарства русских солдат: Воспоминания рус. солдата о пребывании во фр. лагерях. М.; Л., 1929.
51. *Оськин Д.П.* Записки прапорщика // Откровенные рассказы. М., 1998.
52. *Петренко А.К.* В небе старой и новой России. М., 1952.
53. *Пирейко А.* В тылу на фронте империалистической войны. Л., 1926.
54. *Рассказы участников войны в воздухе* // Анощенко Н.Д. Война в воздухе. М., 1923. С. 121–137.

55. *Родин Г. С.* По следам минувшего. Тула, 1968.
56. *Рыжов И.* В Македонии // Октябрь за рубежом: сб. воспоминаний. М., 1924. С. 54–63.
57. *Самойло А. А.* Две жизни: Воспоминания ген.-лейт. в отставке. Л., 1963.
58. *Свечин А. А.* Искусство вождения полка. По опыту войны 1914–1918 гг. М.; Л., 1930. Т. 1.
59. *Сорокин Т.* Страничка из воспоминаний: Встреча и проводы русских во Франции // Огонек. 1924. № 31.
60. *Степной Н. А.* Белые рабы. М.; Л., 1925.
61. Страницы из обороны Новогеоргиевска // Военно-инженерный журнал. 1920. № 1. С. 38–46.
62. *Туманский А. К.* Полет сквозь года. М., 1962.
63. *Тюленев И. В.* Через три войны. М., 1972.
64. *Федоров В. Г.* В поисках оружия. М., 1964.
65. *Фридланд Л. С.* Шесть баллов. М., 1932.
66. *Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм. М., 1966.
67. *Чеботаев П. А.* Немало нами хожено. Свердловск, 1967.
68. *Чемоданов Г. Н.* Последние дни старой армии. М., 1926.
69. *Черкасов И. Т.* Повесть о простых людях. М., 1957.
70. *Чичаев И. А.* Незабываемые годы. Саранск, 1976.
71. *Чоп Э. М.* Годы в огне // Южный Урал. 1958. № 1. С. 12–36.
72. *Шабашев Н. И.* Работа 14-й воздухоплавательной роты под Ивангородом в 1914 году: (Воспоминания участника) // Аэро. 1923. № 7. С. 122–123.
73. *Шаевский Д. А.* Русские солдаты на Балканах: (Воспоминания участника первой мировой войны) // Военно-исторический журнал. 1964. № 10. С. 66–74.
74. *Шапошников Б. М.* Мои воспоминания. М., 1974.
75. *Шушков А.* Зачинатели летно-боевого мастерства русской авиации // Вестник воздушного флота. 1945. № 18. С. 53–58.
76. *Шихлинский А. А.* Мои воспоминания. Баку, 1984.
77. *Яковлев С. М.* Пионер русской авиации Глеб Васильевич Алехонович. Смоленск, 1960.